

Авенариус М.

Савиньи и его русские ученики. Передача научного юридического знания в первой половине XIX в.

[Stable URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2594>]

[Публикация работы:]

Авенариус М. 2005: Савиньи и его русские ученики. Передача научного юридического знания в первой половине XIX в. // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 15, 108-118.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
JAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

М. АВЕНАРИУС*

**САВИНЬИ И ЕГО РУССКИЕ УЧЕНИКИ.
ПЕРЕДАЧА НАУЧНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ЗНАНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.¹**

1. Римское право как основа юридического образования в реакционном государстве

Тридцатилетнее правление Николая I вошло в русскую историю как время реакции. Безраздельно доминировал консервативный стиль государственного управления. Для развития права был характерен закостенелый позитивизм. И все же именно в это время закладывались основы русской правовой науки. Однако определяющую роль в этом процессе играли не университеты. Как полагают, они переживали упадок по крайней мере со второй половины правления Александра I, то есть с 20-х гг. XIX в.² Юридическое образование постепенно деградировало и приходило в состояние оцепенения, что особенно бросалось в глаза в области научной юридической литературы. При таких обстоятельствах в январе 1826 г. Николай I учредил Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, задача которого состояла в разработке законопроектов³. Так возобновились работы по кодификации действовавшего российского права, которые предпринимались при Александре I, но были прекращены⁴. Как и прежде, руководил работой по кодификации выдающийся государственный деятель и реформатор Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839)⁵. В результате было составлено собрание действующего российского права, которое вступило в силу в 1835 г. под названием Свода законов. М. М. Сперанского за заслуги при составлении Свода позднее стали называть «русским Трибонианом»⁶. Другим важным мероприятием правительства стала надлежащая организация юридического образования. Главным препятствием в его проведении оказалась нехватка высококвалифицированных профессоров. Пришлось даже признать, что университеты Российской империи не годились для подготовки уче-

* Мартин Авенариус – профессор, директор Института римского права юридического факультета Университета г. Кельна (Германия).

¹ Статья представляет собой переработанную версию доклада, прочитанного автором 16 мая 2004 г. на ежегодном университетском собрании в Кельне. Автор выражает благодарность аспиранту ИВИ РАН Д. Ю. Полдникову за перевод этой статьи на русский язык.

² *Silnizki M. Geschichte des gelehrten Rechts in Rußland. 1997. S. 408 f.*

³ Начальником Второго отделения был назначен Михаил Андреевич Балугьянский. (*Примеч. пер.*)

⁴ В 1801 г. Александр I учредил новую, десятую по счету, комиссию во главе с П. В. Завадовским. Она получила название комиссии составления законов и провела значительную подготовительную работу. (*Примеч. пер.*)

⁵ См.: *Reich N. Kodifikation und Reform des russischen Zivilrechtes im neunzehnten Jahrhundert bis zum Erlaß des Svod Zakonov (1833) // Ius commune. 1970. 3. S. 152–185; Raeff M. Michael Speransky. Statesman of Imperial Russia. 1957. P. 320–346; Чибирьев С. А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. 1993. С. 157–162; а также: *Whisenhunt W. In Search of Legality. Mikhail M. Speranskii and the Codification of Russian Law. 2001. P. 69 ff.**

⁶ *Gsovski V. Roman Private Law in Russia // Bullettino dell'Istituto di Diritto Romano «Vittorio Scialoja». 1939. 5. P. 363–375 (365).*

ных. Поэтому правительство приняло решение целенаправленно содействовать обучению молодых профессоров⁵

М. М. Сперанский выступал за то, чтобы фундаментальное юридическое образование непременно основывалось на римском праве. И это вопреки подмеченной им слабой связи римского права с действующим российским и противоречивому заявлению, что русские ничего не переняли у римлян и что их «новое» гражданское право не заимствовало никаких положений римского: «Мы ничего не заимствовали из римского наследия [...] Чтобы восполнить этот пробел, необходимо ввести в наших высших школах изучение римского права. Однако римские законы всегда будут чуждыми нам»⁶

Однако исследования в этой области рисуют неоднозначную картину⁷ Нормативный материал десятой книги Свода законов, первая часть которой посвящена гражданскому праву, в нескольких местах несет на себе следы влияния западноевропейских правовых порядков и, следовательно, римской правовой традиции⁸ Несомненное заявление М. М. Сперанского фактически проделанной законодательной комиссией работе, вероятно, следует объяснять политическими соображениями. Насколько велик был интерес к восприятию западного права, настолько же велико было нежелание официально признавать это⁹. М. М. Сперанский, памятуя о собственном печальном опыте, также стремился исключить любую видимость заимствований западноевропейских правовых норм¹⁰ С другой стороны, своеобразие процесса официально отрицаемой рецепции было связано с некоторыми специфическими препятствиями. Они проистекали из разработанного исто-

⁵ См.: Wortman R. The Development of a Russian Legal Consciousness. 1976. P. 45.

⁶ См. анонимно опубликованное сочинение Сперанского: Précis des notions historiques sur la formation du corps des lois Russes. 1833. P. 71, 75 sq., 99 sq. и др. Прочитанное высказывание находится на с. 82 и 99. См. по этому поводу: Дювернуа Н. Л. Значение римского права для русских юристов // Временник демидовского юридического лица. 1872. № 1. С. 33–57 (45) и Avenarius M. Römisches Recht in slavischen Sprachen // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte (Romanistische Abteilung). 1997. 114. S. 635 f. mit Fn. 3.

⁷ G. Ajani справедливо полагает, что Сперанский, руководя кодификационными работами, «одним глазом смотрел на традиционные нормы русского права, а другим – на новые европейские кодексы» (Alcuni esempi di circolazione di modelli romano-germanici nella Russia imperiale // «Scintillae iuris». Studi in memoria di Gino Gorla. 1994. Vol. 2. P. 963–977 (966). Во время кодификационных работ изучался материал иностранных законодательных памятников, в том числе Гражданский кодекс Наполеона 1804 г. и Австрийское гражданское уложение 1811 г.; см.: Косаев А. И. Этапы рецепции римского права // Советское государство и право. 1983. № 7. С. 121–127, а также: Whisenhunt W. Op. cit. (Сн. 3). P. 105 f. Об использовании Прусского земского уложения см.: Makarov A. N. Das Preußische Allgemeine Landrecht und die russischen Kodifikationsarbeiten // Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag. 1956. S. 286–292. Также об использовании иностранного законодательства см.: Raeff M. Op. cit. (Сн. 3). S. 335 ff. Но составители Свода законов привлекали также материал римского права. См.: Avenarius M. Römisches Recht (Сн. 6). S. 635 f. mit Fußn. 3.

⁸ О ходе кодификационных работ и характерных особенностях Свода законов см.: Makarov A. N. Svod Zakonov (1833–1933). Zum hundertjährigen Jubiläum der Kodifikation des russischen Rechts // Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte 8 (Neue Folge: 4). 1934. S. 39–55; Вернадский Г. В. Очерк истории права Русского Государства XVIII–XIX вв. 1924. С. 159–161; Sójka-Zielinska K. Historia Prawa. 7. Aufl. 1998. S. 246 f.

⁹ На все царствование Николая I неизгладимое пятно оставил кошмар восстания декабристов 1825 г. Их требования особенно ожесточенно отвергались в данный период, враждебный всяким реформам. См.: Азаркин Н. М. История юридической мысли России. 1999. С. 208 и след. Это касалось и заимствования западноевропейских принципов процессуального права и судостроительства, на чем настаивали декабристы. См.: Kaiser F. Die russische Justizreform von 1864. Zur Geschichte der russischen Justiz von Katharina II. bis 1917. 1972. S. 150.

¹⁰ В 1812 г. он был отстранен от должности и подвергся опале под предлогом чрезмерных симпатий к французскому праву (тем более во время угрожавшей существованию России войны с Наполеоном!). См.: Gebhard R. Russisches Familien- und Erbrecht. 1910. S. 6; Reich N. Op. cit. (Сн. 3). S. 172 f. и Schlosser H. Grundzüge der Neueren Privatrechtsgeschichte. 9. Aufl. 2001. S. 232 f. См. также точку зрения, высказанную в предыдущей сноске.

рической школой и поддержанного консервативными силами учения о возникновении права. М. М. Сперанский не мог не учитывать это учение¹¹

Тем не менее М. М. Сперанский проявлял нескрываемый интерес к римскому праву как основе юридического образования, которое преподавалось из рук вон плохо в университетах того периода. В связи с этим первоочередная задача состояла в подготовке профессоров по римскому праву. В небольшой статье «Курс гражданского права в российских университетах», опубликованной в 1824 г., дерптский преподаватель права Кристоф Кристиан Дабелов выдвинул тезис, что без знания римского права любой юрист останется «образованным варваром», простым «юристом-ремесленником»¹² Из этого тезиса он сделал вывод, что российские университеты находятся в «варварском состоянии». Критика Дабелова стала известной правительству, и оно, по всей видимости, восприняло ее всерьез. Так родился план подготовки молодых профессоров в рамках общей реформы преподавания права. С этой целью в начале 1828 г. император Николай I издал указ об основании особых курсов для «студентов-законоведов» при Санкт-Петербургском университете под надзором Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Из меморандума М. М. Сперанского от 22 января 1824 г.¹³ явствует, что студентов этих курсов должны были обучать действующему праву с особым акцентом на его практическое применение чиновники Второго отделения по специальной программе¹⁴ Кроме того, им полагалось изучать римское право, древнегреческий и латинский языки у университетских преподавателей. Студентов набирали из Санкт-Петербургской и Московской духовных академий. Из Санкт-Петербургской духовной академии первыми студентами курсов стали Сергей Орнатский, Александр Пешехонов и Савва Богородский, из Московской – Василий Знаменский, Константин Неволин и Алексей Благовещенский. После полутора лет обучения, в начале 1829 г. они успешно сдали экзамены.

В процессе обучения возникла идея дополнить программу курсов заграничными стажировками. По всей видимости, ее предложил начальник Второго отделения Михаил Андреевич Балугьянский (1789–1847), сам учившийся некоторое время в Вене¹⁵ С целью организации зарубежного обучения представители Второго отделения обратились к Фридриху Карлу фон Савиньи, которого им специально порекомендовал Александр фон Гумбольдт¹⁶ В полном соответствии с представлениями К. Дабелова М. М. Сперанский изложил Ф. Савиньи свои соображения о значении римского права в программе образо-

¹¹ Об этом подробно: *Reich N.* Op. cit. (Сн. 3). S. 172–176 и 180–182.

¹² Имеется в виду университет в г. Дерпт – официальное название с 1224 г. по 1893 г. С 1893 г. по 1919 г. – г. Юрьев. С 1919 г. – г. Тарту на территории Эстонии. (*Примеч. пер.*)

¹³ *Dabelow Ch.* Civilistischer Cursus auf Russischen Universitäten // (v. Bröckers) Jahrbuch für Rechtsgelehrte in Rußland. 1824. Bd. 2. S. 249–264 (250).

¹⁴ Напечатан в ст.: *Майков П.* Сперанский и студенты законоведения // *Русский вестник.* 1899. № 262. Н. 8, С. 610–613; см.: *Maurer T.* Hochschulelehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. 1998. S. 167.

¹⁵ Вероятно, идея принадлежит М. А. Балугьянскому, хотя обычно в этой связи упоминают лишь имя М. М. Сперанского. См.: *Torke H.-J.* Das russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte* 13. 1967. S. 7–345 (143), а также: *Silnizki M.* Op. cit. (Сн. 2). S. 425. О подготовке, проведении и результатах этих занятий см., в частности, переписку Сперанского с Балугьянским, опубликованную в: *Маяковский И. Л., Николаев А. С.* Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности: 1819–1919. 1919. С. 487–507.

¹⁶ *Maurer T.* Op. cit. (Сн. 13). S. 169. С 1789 г. Балугьянский являлся профессором недавно основанной Академии в Гроссвардейне, затем в 1796–1803 гг., после защиты докторской диссертации, профессором в Песте, и наконец, до 1824 г. в Санкт-Петербурге. Здесь он преподавал в Высшем педагогическом институте, а также в Петербургском университете, став его первым ректором (1819–1821). См.: 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет. Летопись. 1724–1999. 1999. С. 105 и 107 и след.

¹⁷ *Kaiser F.* Justizreform (Сн. 9). S. 101; *Баршев Я.* Исторические записки о содействии Второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии развитию юридических наук в России. 1876. С. 17.

вания направляемых на стажировку студентов. Хотя римское право для России (за исключением прибалтийских губерний) само по себе не является основополагающим и не представляет сколько-нибудь заметного значения, но в то же время только изучение Пандект способно стать прочной основой юридического образования¹⁷ Представителям Второго отделения удалось договориться с Ф. Савиньи о стажировке и обучении римскому праву российских студентов в Берлинском университете. В сентябре 1829 г. в Берлин отправилась первая группа.

После их отъезда Второе отделение сформировало вторую группу из шести студентов вышеупомянутых духовных академий. На этот раз выбор пал на Александра Федотова-Чеховского, Никиту Крылова и Алексея Куницына – из Санкт-Петербургской духовной академии, а также на Ивана Платонова и братьев Сергея и Якова Баршевых – из Московской. Сначала им предстояло пройти обучение на тех же курсах, что закончили их предшественники. А при успешной сдаче экзаменов в 1831 г. они также должны были отправиться в Берлин. Правда, в отличие от первого набора, студенты записывались на курсы по собственной воле. В составе первой группы студентов оказался прибалтийский немец Петерсон, который, получив юридическое образование в Дерптском университете, ходатайствовал о зачислении его во Второе отделение. Он посещал лекции вместе с русскими студентами и дополнительно давал им уроки немецкого языка. В Берлине Петерсон по сути стал куратором студенческой группы, что утвердили за ним как Ф. Савиньи, так и М. А. Балугьянский с М. М. Сперанским¹⁸ Для второй группы не удалось найти другого дерптского куратора. Поэтому функции куратора принял на себя петербургский студент Кранихфельд. Он преподавал своим подопечным немецкий язык, а затем отправился вместе с группой в Берлин.

2. Обучение в Берлинском университете

Почему же российское правительство отправляло молодых юристов в Берлин и почему они должны были изучать римское право именно у Фридриха фон Савиньи? Возможно, самая важная причина заключалась в том, что историческая школа права торжествовала в Германии победу над школой естественного права¹⁹ Это противостояние намеренно подчеркивали даже представители поздней позитивистской школы, считавшейся преемницей исторической школы. Как и большинство крупных правоведов XIX в. Ф. фон Савиньи отмежевался и осудил лишенное критического содержания естественное право. Представление об исторических корнях права каждого народа²⁰, и прежде всего программа «исторической переработки» права, призванная дополнить систематически развиваемую науку, побуждали его дистанцироваться от естественного права и основанных на нем законодательных памятников эпохи Просвещения²¹ Теперь мы знаем, что историческая школа права также несла в себе естественно-правовое зерно. Но в 1815 г. в получившей широкую известность вводной статье к первому номеру «Журнала исторического правоведения» Ф. фон Савиньи отнес учение о естественном праве к кон-

¹⁷ См. письмо М. М. Сперанского Ф. Савиньи от 10.09.1829 касательно отправки в Берлин студентов: Майков П. Сперанский и студенты законоведения // Русский вестник. 1899. № 262. С. 609–626 (625); см.: Torke H.-J. Op. cit. (Сн. 14). S. 161, Сн. 233.

¹⁸ См. письмо Сперанского и выдержки из письма Балугьянского студенту Орнатскому в: Майков П. Сперанский и студенты законоведения // Русский вестник. 1899. № 262. С. 239–256 (244 и след.).

¹⁹ Silnizki M. Op. cit. (Сн. 2). S. 425; Wieacker F. Privatrechtsgeschichte der Neuzeit. 2. Aufl. 1967. S. 373; высказывания Савиньи относительно Прусского земского уложения см. в: Wollschläger Ch. Praktische Theorie. Die Landrechtsvorlesung in Savignys wissenschaftlichem Programm // F. C. v. Savigny, Landrechtsvorlesung 1824, herausgegeben von Ch. Wollschläger. 1994. 1. Hbd. S. XXIII–XLV (XXXIV ff.).

²⁰ Savigny F. C. v. Vom Beruf unsrer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. 1814, переизд. в: Hattenhauer H. Thibaut und Savigny. Ihre programmatischen Schriften. 1973. S. 103 f.

²¹ См.: Wieacker F. Privatrechtsgeschichte (Сн. 19). S. 372 f.; Idem. Gründer und Bewahrer. Rechtslehrer der neueren deutschen Privatrechtsgeschichte. 1959. S. 138.

курирующей, названной им «неисторической», школе²² Даже в 1820-е гг. он допускал программные высказывания против естественного права.

Российское правительство относилось к естественно-правовому учению резко отрицательно. Тем самым его интересы частично совпадали с научными убеждениями Ф. фон Савиньи, но мотивы были совершенно различными. Правительство Николая I поощряло ярковыраженное позитивистское правовое мышление. Своего наивысшего выражения оно достигло в создании Свода законов, а также в прямом запрете толкования закона²³ К этому следует добавить организацию юридического образования как изучения действующих законов, что терминологически выражалось в замене слова «право» словом «закон». Предметом юридического образования являлось с этого времени «законоведение»²⁴ Естественно-правовые представления о существовании надпозитивного права, проистекающего из естественного или божественного порядка, никоим образом не могли бы сосуществовать с подобным реакционным позитивизмом. Отвергнутым оказалось и возникшее в XIX в. учение о светском естественном праве. В результате российское правительство должно было увидеть определенное соответствие своей позиции с программой исторической школы. Следовательно, сам собой напрашивался выбор в пользу обучения студентов-юристов у Ф. фон Савиньи, основателя и виднейшего представителя исторической школы, выделявшегося среди современников своей непревзойденной научной репутацией.

Изначально предполагалось, что продолжительность курса обучения русских студентов составит два года. Программа обучения, согласно петербургским представлениям, должна была включать пандекты, общегерманское гражданское право, гражданское процессуальное право Пруссии, уголовное и уголовно-процессуальное право, государственное право и политологию, международное право, а также теорию и философию права. В качестве вспомогательных дисциплин надлежало изучать историю философии, философию истории, греческие и римские древности (историю Древней Греции и Рима), общую статистику и статистику Пруссии, а также географию и химию (!). Кроме того, предполагалось, что студенты по возможности пройдут судебную практику. Таким образом, связь теории и практики не нарушалась даже в программе обучения иностранных студентов.

Первый экзамен убедил Ф. фон Савиньи в том, что российские студенты еще недостаточно подготовлены для его лекций по пандектам, поэтому он поручил своему молодому коллеге Адольфу Рудорфу научное руководство группой²⁵ Будучи ненамного старше русских студентов, А. Рудорф в свои 26 лет уже стал экстраординарным профессором. В зимний семестр 1829/30 гг. он читал лекции по наследственному праву, вел семинар по «Фрагментам» Ульпиана²⁶ и преподавал общегерманское и прусское гражданское право.

²² См.: Savigny F. C. v. Über den Zweck dieser Zeitschrift // Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft. 1815. Bd. 1. S. 1–17 (2 ff.).

²³ Закреплен в ст. 65 Основных государственных законов: «Законы должны быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оных, без всякого изменения и распространения». См.: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998 (первое изд. 1917). С. 93; Meÿer Д. И. Русское гражданское право. 4-е изд. 1868. С. 27 (существует переиздание по исправленному и дополненному 8-му изд. 1902 г. М., 1997. – Примеч. пер.); Hasselblatt J. Die Justizreform in Rußland. 1876. S. 38 f. Этот принцип прежде неоднократно подтверждался в различных распоряжениях. См.: Institutionen des Russischen Rechts, herausgegeben und für die Ostseeprovinzen zum Behuf der Darstellung ihres Partikularrechts deutsch bearbeitet. Bd. 1. S. 16 f. (mit Nachweisen).

²⁴ См.: Torke H.-J. Op. cit. (Сн. 14). S. 135 ff. (142); Maurer T. Op. cit. (Сн. 13). S. 167; Baranowski G. Über den Nutzen einer Lehrdisziplin «Allgemeine Rechtsgeschichte»: Rückblick und Ausblick // Der praktische Nutzen der Rechtsgeschichte. Festschrift für H. Hattenhauer. Herausg. J. Eckert. 2003. S. 6; Avenarius M. Rezeption des römischen Rechts in Rußland. Dmitrij Mejer, Nikolaj Djuvernua und Iosif Pokrovskij. 2004. S. 17.

²⁵ Об А. Рудорфе см.: Stintzing R. v., Landsberg E. Geschichte der Deutschen Rechtswissenschaft. 1910. 3. Abt. 2. Hbd. Text S. 462–465, Not. S. 206 f.

²⁶ Имеется в виду псевдоульпианова *liber singularis regularum*, по материалам которой Рудорф проводил коллоквиумы с 1825 г. по 1860 г. Сохранилось соответствующее пособие: Ulpian's Fragmente

данское процессуальное право. Чуть больше опыта имел другой ученик фон Савиньи Клеменс Кленце, занимавший в 1828–1829 гг. должность ректора Берлинского университета²⁷. Он взял на себя обучение студентов юридической энциклопедии* и институциям, то есть основам римского права. В дополнение к этому А. Рудорф проводил ежедневные частные занятия по тому же материалу. Светское естественное право, несмотря на исследования широкого круга научных сотрудников Берлинского университета, было вычеркнуто из учебного плана. Организаторы программы обучения даже не рассматривали возможность включить в нее соответствующие лекции Теодора Шмальца и гегельянца Эдуарда Ганса, личного оппонента фон Савиньи на юридическом факультете²⁸. Основной упор в программе обучения русских студентов в Берлине был сделан на изучение римского права²⁹.

Однако обучение молодых русских студентов в Берлине проходило не без осложнений. Дело в том, что некоторые студенты неохотно следовали учебному плану Ф. фон Савиньи. Прежде всего они считали излишними частные занятия А. Рудорфа и изъявляли желание избавиться от них. В письме М. А. Балугьянскому студенты из второй группы, отправленной в Берлин в 1832 г., сообщали, что А. Рудорф на своих занятиях зачитывал им лекции одного из своих коллег, отчего постоянно приходилось искать для себя более полезное занятие. Студенты же, с учетом взимаемой с них непривычно высокой платы, рассчитывали на более содержательные занятия³⁰. Вероятно, впечатление о завышенной плате создавало то обстоятельство, что все прочие курсы лекций были публичными, то есть свободными для посещения. Данное противостояние привело к охлаждению отношений между Ф. фон Савиньи и русскими студентами. Они вообще поначалу уделяли мало внимания римскому праву и невысоко оценивали его значимость для юридического образования. Но образумил студентов М. М. Сперанский своим резким письмом. После этого они подчинились требованиям Ф. фон Савиньи.

Повод студентам для недовольства давала не только программа обучения. Их стипендии были настолько малы, что в Берлине они были вынуждены жить в крайне стесненных обстоятельствах. Именно с тяжелыми жизненными условиями следует связывать тот факт, что один студент из первой группы и два студента из второй скончались от туберкулеза по возвращении в Россию в 1830 и 1835 гг. соответственно³¹. После смерти 13 сентября 1830 г. студента А. Пешехонова М. М. Сперанский распорядился отправить в Берлин дополнительно двух студентов. Выбор пал на Петра Редкина и Петра Калмыкова, которые в декабре 1830 г. прибыли в Берлин. За несколько недель до этого М. А. Балугьянский получил содержательное письмо Ф. фон Савиньи от 1 ноября 1830 г. В этом письме Савиньи хвалил Неволина и Знаменского и сообщал о своей встрече со Сперанским, который, видимо, побывал в Берлине в августе 1830 г.: «Я имел счастье познакомиться со Сперанским; немногие часы, проведенные мною с ним вместе, останутся для меня навсегда незабвенными. Поистине это редкая радость – увидеть государственного мужа, на закате своей столь влиятельной и богатой событиями жизни сохра-

erklärt von Prof. Rudorff. Berlin im Sommersemester 1833. G. Waitz stud. jur. (29 S.) [Staatsbibliothek zu Berlin. Preußischer Kulturbesitz Ms. germ. quart. 1076, 12]. См. также по поводу данного источника: Avenarius M. Der pseudo-ulpianische liber singularis regularum. Entstehung, Eigenart und Überlieferung einer hochklassischen Juristenschrift. 2005.

²⁷ К. Кленце (1795–1838) с 1826 г. являлся ординарным профессором истории римского права и уголовного права в Берлинском университете. См.: Stintzing R. v., Landsberg E. Geschichte (Сн. 25). Not. S. 123.

* Правовая энциклопедия – введение в курс юридических наук. (Примеч. пер.)

²⁸ Впрочем, студенты все же посещали некоторые занятия этих преподавателей. Известно, например, что Петр Редкин слушал лекции Э. Ганса.

²⁹ Silnizki M. Op. cit. (Сн. 2). S. 425.

³⁰ См.: Майков П. Сперанский и студенты законоведения // Русский вестник. 1899. № 262. С. 239–256 (253).

³¹ Знаменский скончался 30.01.1835, Благовещенский – 13.09.1835. См.: Whisenhunt W. Op. cit. (Сн. 3). S. 100 f.

нившего еще бодрость и свежесть духа и разума. Как бы охотно воспользовался я еще раз поучительною беседою этого прекрасного человека, herrlichen Mannes. Передайте ему, до какой степени пламенного почитателя он во мне имеет»³²

В переписке со Сперанским Савиньи сообщал об успехах всех без исключения русских студентов. Некоторых из них он отметил особо, например, выделил способности Петра Редкина. Вместе с тем Савиньи оставил за собой право исключать из группы тех студентов, которые не будут справляться с учебой. Но у него так ни разу и не возникло потребности воспользоваться этим правом. После первого года обучения Савиньи лично принял у русских студентов промежуточный экзамен. И, к его удовлетворению, все студенты выдержали испытание. Российский посланник в Берлине высоко отозвался о прилежании, усидчивости и способностях студентов³³

Студенты первой группы вернулись в Россию в октябре 1832 г., остальные возвратились во второй половине 1834 г. Полгода спустя все они успешно сдали итоговые экзамены. После этого им присвоили профессорские звания и назначили на только что учрежденные кафедры в университетах Санкт-Петербурга, Москвы, Харькова и Киева. На этом зарубежные поездки студентов прекратились, поскольку Николай I дозволил М. А. Балугьянскому, М. М. Сперанскому и П. Ольденбургскому основать Императорскую правовую школу непосредственно в Санкт-Петербурге³⁴

Но российское правительство осталось довольно результатами образовательной программы в Берлине. В 1840 г. оно наградило Ф. фон Савиньи за его активное участие в подготовке русских студентов орденом св. Станислава II степени³⁵ Итак, Второму отделению за короткий срок удалось взрастить двенадцать русских преподавателей права и тем самым заложить основы дальнейшего развития новой российской правовой науки³⁶ Студенты берлинских курсов стали учителями целого поколения русских юристов³⁷ За созданием этой основы последовало учреждение юридических факультетов. Прежде в университетах Российской империи существовали только отдельные юридические кафедры при факультетах «моральных и политических наук», рассматривавшиеся как сво-

³² Майков П. Сперанский и студенты законоведения // Русский вестник. 1899. № 262. С. 239–256 (247). См. письмо Ф. фон Савиньи от 11.09.1830 Ахиму фон Арниму: «За минувшие несколько дней мне случалось часто общаться с пожилым Сперанским из Петербурга, заведующим законодательной работой. Это чрезвычайно приятный и остроумный человек». Цит. по: Stoll A. Friedrich Karl v. Savigny. 1929. Bd. 2: Professorenjahre in Berlin 1810–1842. Nr. 441.

³³ Баршев Я. Указ. соч. (Сн. 16). С. 18 и след.

³⁴ Whisenhunt W. Op. cit. (Сн. 3). S. 102. Об Императорском училище правоведения в Санкт-Петербурге см.: Kaiser. Justizreform (Сн. 9). S. 108–111.

³⁵ Thieme H. Die deutsche Historische Rechtsschule Savignys und ihre ausländischen Jünger // Thieme H. Ideengeschichte und Rechtsgeschichte. Bd. 2. S. 1095 ff. (1105); Stoll A. Friedrich Karl v. Savigny. 1939. Bd. 3: Ministerzeit und letzte Lebensjahre 1842–1861. S. 199 (со ссылкой на письмо Дирксена, адресованное Саньо, от 2.11.1829); наконец, см. касающуюся Ф. Савиньи выписку из списка сотрудников Министерства юстиции в: Stoll A. Op. cit. Bd. 3. S. 288 f. (289).

³⁶ Когда после проведения судебной реформы 1864 г. вновь возникла потребность в молодых юристах, получивших образование на базе римского права, в Берлине был организован специальный семинар по римскому праву, в котором преподавали прежде всего такие известные немецкие правоведы, как Генрих Дернбург, Эрнст Эк и Альфред Пернисе. За время существования этого семинара с 1887 г. по 1896 г. его успешно закончили семнадцать студентов, которые впоследствии стали проводниками его идей в университетах Российской империи. См.: Avenarius M. Das russische Seminar für römisches Recht in Berlin (1887–1896) // Zeitschrift für Europäisches Privatrecht. 1998. 6. S. 893–908; Kaiser F. Altphilologen für Rußland: Das Lehrinstitut für slawische Stipendiaten in Petersburg, das russische philologische Seminar (Institut) in Leipzig und das russische Seminar für römisches Recht in Berlin // Kaiser F., Stasiewski B. Deutscher Einfluß auf Bildung und Wissenschaft im östlichen Europa. 1984. S. 69–115 (90–92); Maurer. Op. cit. (Сн. 13). S. 178–181. (В русскоязычной литературе принято называть данный семинар институтом римского права. См.: Карцов А. С. Русский институт римского права при Берлинском университете (1887–1896) // Древнее право = Ius antiquum. 2003. № 12. С. 120–145. – Примеч. пер.)

³⁷ Kaiser F. Justizreform (Сн. 9). S. 102; см. подробное исследование: Баршев Я. Указ. соч. (Сн. 16). С. 3–32.

его рода дополнение к философии. Лишь с утверждением новых университетских уставов в 1835 г. в Санкт-Петербурге, Москве, Харькове и в 1842 г. в Киеве были организованы самостоятельные юридические факультеты³⁸

Постепенно из юридического образования вытеснялась доктрина естественного права. Ее сменяла преподаваемая с еще большим рвением «энциклопедия права». Содержание этого предмета, возникшего еще в XVIII в., по существу исчерпывалось общим обзором правовых систем. Преподавание всех прочих предметов после 1835 г. было организовано в чисто позитивистском ключе. При таких обстоятельствах разумно было бы усомниться, что взгляды Савиньи могли оказать заметное влияние на правовую науку. Влияние ученых на науку в условиях реакции, действительно, оставалось весьма ограниченным³⁹. Как будет показано далее, оно в основном проявлялось в области основ права. С реакционной политикой также следует связывать то обстоятельство, что в 1842 г. в последний раз группа российский студентов была направлена на обучение в Западную Европу. В том же году зарубежные студенческие стажировки были прекращены. По этой причине первые русские юристы, получив образование под влиянием немецкой исторической школы, в течение долгого времени играли определяющую роль (в усвоении российской юриспруденцией западноевропейских правовых идей).

3. Выдающиеся выпускники и их влияние

После успешной сдачи устных и письменных экзаменов последовали защиты диссертаций. Знаменский и Неволин защитились к концу 1834 г., а Благовещенский, Богородский и Орнатский – в первой половине 1835 г.⁴⁰ Особенно успешной была признана диссертация умершего в сентябре 1835 г. Благовещенского. Ее опубликовали в Журнале Министерства народного просвещения⁴¹ 8 февраля 1835 г. Неволин защитил докторскую диссертацию. Несколько месяцев спустя его примеру последовали Богородский и Орнатский. Вслед за этим все трое получили звание профессоров права и приглашение в основанный 25 декабря 1833 г. Киевский университет св. Владимира. Неволин возглавил кафедру энциклопедии права и учреждений Российской империи (государственного права), Орнатский – кафедру гражданских законов, а Богородский – кафедру законов благоустройства и благочиния (к которой одно время относилось и изложение законов финансового права. – *Примеч. пер.*). Остальные девять студентов-законоведов вернулись в Санкт-Петербург во второй половине 1834 г. и в марте – июле успешно выдержали итоговые экзамены. Вслед за этим они без защиты диссертаций получили профессорские звания и назначения в только что учрежденные кафедры Петербургского, Московского и Харьковского университетов. В Петербургском университете Калмыков возглавил кафедру энциклопедии права, Кранихфельд – кафедру налоговых и финансовых законов, Яков Баршев – кафедру российских уголовных и полицейских законов. В Московском университете Редкин стал профессором энциклопедии права, Крылов – римского права, Сергей Баршев – российских уголовных и полицейских законов. В Харьковском университете Федотов-Чеховский занял кафедру римского права, Куницын – гражданских законов, Платонов – законов благоустройства и благочиния.

Некоторые выпускники берлинских курсов отказались от изученной доктрины. Например, Сергей Орнатский, который по возвращении из Берлина стал профессором гражданских законов в Киевском университете. Уже в 1840 г. в своем исследовании «Об отношении между общим и частным в законодательстве и законоведении» он подверг критике учения Montesquieu и Savigny. С 1848 г. Орнатский во главе кафедры энциклопедии законоведения в Московском университете. По свидетельству Б. Н. Чичерина,

³⁸ Torke H.-J. Op. cit. (Сн. 14). S. 141.

³⁹ Ibid. S. 145.

⁴⁰ Silnizki M. Op. cit. (Сн. 2). S. 430.

⁴¹ См.: Благовещенский А. История метода науки законоведения в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. № 6–7. С. 375–441, 40–52.

ставшего впоследствии представителем русской исторической школы права⁴², Орнатский заявил ему во время сдачи экзамена, что вся западная литература – губительный плод революционных идей, что знакомство с ней для молодежи не только излишне, но даже вредно, и что он не стал бы рекомендовать ни одной западноевропейской работы для ознакомления⁴³. Этот профессор права освободился от влияния Савиньи и стал ярким позитивистом. Такой поворот вряд ли удивителен для времени безоговорочного господства догматизма действовавшего права.

Благосклоннее (к учению исторической школы) относились выпускники тех курсов, которые в дальнейшем избрали в качестве поля своей деятельности не догматические дисциплины, а основы права. В частности, это относится к Петру Редкину (1808–1891). Он возглавил кафедру юридической энциклопедии в Московском университете, где преподавал тем студентам, которые в 60-е гг. принимали участие в разработке и проведении судебной реформы. Таким образом Редкин способствовал превращению юриспруденции в научную дисциплину, а истории права – в академический учебный предмет⁴⁴. Он основал также первый русский юридический журнал – «Юридические записки»⁴⁵. Кроме того, Редкин проявил себя как выдающийся педагог, воспринявший учение Песталоцци⁴⁶.

В Московский университет, на кафедру римского права, был приглашен Никита Крылов (1807–1879). Свои научные сочинения он посвятил изучению исторического значения римского права для российского правоведения. Несмотря на свою узкую специализацию, Крылов стал достаточно известной персоной, упоминаемой даже в художественной литературе⁴⁷. Особенно заметен он в качестве учителя Константина Кавелина и Николая Дювернуа⁴⁸. Эти преподаватели передали идеи исторической школы множеству студентов-юристов последующего поколения⁴⁹. К наиболее важным произведениям Крылова следует отнести монографию «Об историческом значении римского права в области наук юридических» (1838) и «Программу по истории римского права» (1864).

Александр Федотов-Чеховский также написал несколько исследований по римскому праву, в том числе о форме и содержании документов.

Особый интерес представляют научные работы Константина Неволина (1806–1855). В 1835 г. он защитил диссертацию по теме законодательства в античности и возглавил кафедру энциклопедии права и государственного права в недавно основанном Киевском университете. С 1843 г. в Санкт-Петербурге он стал одним из основателей научного преподавания права в России⁵⁰. На научные представления Неволина преимущественное влияние оказали взгляды Ф. фон Савиньи и А. П. Куницына, являвшегося одновременно преподавателем гражданского права в Санкт-Петербурге и чиновником Второго отделения⁵¹. Вся его научная деятельность была подчинена усилиям по кодификации права

⁴² О Чичерине см.: *Grothusen K.-D.* Die Historische Rechtsschule Rußlands. Ein Beitrag zur russischen Geistesgeschichte in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts. 1962. S. 120–151.

⁴³ См.: *Torke H.-J.* Op. cit. (Сн. 14). S. 142, Сн. 171 с приведением доказательств.

⁴⁴ Реф пишет, что этот процесс привел «к утверждению юриспруденции и истории права в качестве академических дисциплин в России». См.: *Raeff.* Op. cit. (Сн. 3). P. 327 f.

⁴⁵ См.: *Wortman R.* Op. cit. (Сн. 5). S. 225.

⁴⁶ Подробнее по этому вопросу см.: *Kegler D.* Petr G. Redkin – ein russischer Verehrer Pestalozzis // *Pestalozzi im internationalen Gespräch. Beiträge zu Leben, Werk und Wirkung Johann Heinrich Pestalozzis.* 1990. S. 268–277.

⁴⁷ А. П. Чехов живо изображает в четвертой главе своей «Скудной истории» (1889), как он на балтийском водном курорте раздосадовался по поводу низкой температуры морской воды и возложил ответственность за это на немцев.

⁴⁸ См. лестные отзывы об учении Крылова в: *Wortman R.* Op. cit. (Сн. 5). S. 225.

⁴⁹ О К. Д. Кавелине см.: *Grothusen K.-D.* Op. cit. (Сн. 42). S. 90–120; о Н. Л. Дювернуа см.: *Avenarius M.* Rezeption (Сн. 24). S. 37–47.

⁵⁰ См.: 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет (Сн. 15). С. 129.

⁵¹ Александр Петрович Куницын (1783–1840) учился с 1808 г. по 1811 г. в Гейдельберге и Геттингене. По возвращении в Россию преподавал в Царскосельском лицее философию морали и правоведение. Он был одним из учителей А. С. Пушкина, который всегда отзывался о нем с большим уважением. С 1817 г. Куницын перешел в Санкт-Петербургский педагогический институт, получивший в 1819 г. статус университета. Он отстаивал взгляды о естественных и гражданских обя-

России. Будучи членом кодификационной комиссии, перерабатывавшей Свод законов, он слыл одним из самых влиятельных лиц своего времени. Наряду с Редкиным Неволлина следует отнести к числу тех русских юристов, которые внесли весомый вклад в распространение учения Савиньи в российской правовой науке⁵²

Поразительно, что юрист, испытавший столь сильное влияние взглядов Ф. фон Савиньи, намеренно занялся законотворческой работой. Ведь Савиньи в своем программном сочинении «О призвании нашего времени к законодательству и правоведению» (1814) отрицал необходимость кодификации немецкого частного права и выдвинул идею поступательного, органического развития права. При этом следует учесть несколько обстоятельств. Несмотря на оппозицию призывам Тибо и некоторых других к проведению кодификации и несмотря на резкую критику Прусского земского уложения и Французского гражданского кодекса, Савиньи вовсе не был противником права, основанного на писаных законах (*das Gesetzrecht*). Вспомним, что он открыто настаивал на принятии решительных мер законодательного порядка, когда речь заходила о ликвидации феодальных структур⁵³. На этом основано отношение Ф. фон Савиньи к реформам, проводимым на основании закона, например, к реформам, проведенным в Пруссии королевским министром Карлом Стейном (1806–1808) и канцлером Карлом фон Харденбергом (с 1810 г.). В России XIX в. проведение реформ превратилось в одно из важнейших общественных требований. Кроме того, Савиньи, как известно, принимал участие в разработке законопроектов. С 1842 г. по 1848 г. он являлся министром законодательства Пруссии. Под его руководством разрабатывались вексельный устав и прусское уголовное уложение. Наконец, необходимо учитывать, что особое положение правовой науки в Германии, которое побудило Ф. фон Савиньи требовать научной переработки действовавшего римского права, существенно отличалось от российских реалий. Если в Германии требованию кодификации права Савиньи противопоставлял его дальнейшее развитие и разработку силами юриспруденции, то в России на тот момент еще не существовало юриспруденции, которая могла бы взять на себя указанную задачу.

Итак, каким образом Ф. фон Савиньи через своих русских учеников повлиял на развитие российского права? На данный вопрос следует отвечать дифференцированно и осторожно. Прежде всего необходимо констатировать, что влияние Савиньи на русских проявилось не в их знакомстве с отдельными новомодными доктринами и не в модернизации частноправовых институтов на базе римской правовой традиции. Если не учитывать особый пример казанского цивилиста Дмитрия Мейера⁵⁴, то подобный процесс стал заметным лишь в конце 60-х гг. XIX в. Гораздо заметнее оказалось влияние Савиньи в области основ права. Здесь укрепились воззрения, что собственное (российское) право имеет глубокие исторические корни. Именно в этой связи идеи исторической школы нашли применение к собственному праву. Тем не менее рецепция основополагающих принципов исторической школы имела место прежде всего в научных работах. Наиболее заметно влияние учения Савиньи в исследованиях К. А. Неволлина. В своих основных произведениях – «Энциклопедия законоведения» (1849–1850) и «История русских гражданских законов» (1851) – он уделил большое внимание русской правовой традиции и

занностях человека, которые усвоил в Геттингене и изложил в монографии «Право естественное» (1818–1820). Это была первая в России работа по естественному праву, ставшая причиной конфликта автора с цензурой и стоившая ему должности в университете. Вскоре по увольнении он поступил на государственную службу. См.: *Lauer R. Russische Studenten in Göttingen im 18. Jahrhundert und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // Mittler E., Glitsch S. Rußland und die «Göttingische Seele». 2003. S. 323–339 (336).*

⁵² См. анонимное сочинение: *Das römische Recht in Rußland // Leonhard R. Stimmen des Auslands über die Zukunft der Rechtswissenschaft. 1906. S. 72–77 (73).*

⁵³ См.: *Savigny F. C. v. Vom Beruf unsrer Zeit (Сн. 20). S. 106.* Подробнее по данному вопросу см.: *Behrends O. Geschichte, Politik und Jurisprudenz in F. C. v. Savignys System des heutigen römischen Rechts // Behrends O., Diebelhorst M., Voß W. E. Römisches Recht in der europäischen Tradition. 1985. S. 273 f., 281, а также: Avenarius M. Savignys Lehre vom intertemporalen Privatrecht. 1993. S. 62–65.*

⁵⁴ О Д. И. Мейере см.: *Avenarius M. Rezeption (Сн. 24). S. 21–33.*

особенно источникам права, а также потратил немало усилий, чтобы преодолеть концепцию надпозитивного естественного права и гегельянского понятия права. Таким образом автор принял во внимание позитивистскую концепцию вполне в духе Савиньи. В целом К. А. Неволин стремился к распространению идей исторической школы в российской юриспруденции. Рассматривая вопрос о происхождении действующего права, он в полном соответствии с представлениями Савиньи проводил четкое различие между обычным и позитивным правом.

Примечательно, что в дальнейшем влиянию исторической школы суждено было стать препятствием для модернизации российского права на базе римского. Восприятию «чужих» правовых институтов и призывам некоторых цивилистов к рецепции римского права противостояло сформировавшееся общее убеждение, что действующее русское право освящено длительным историческим развитием. Ф. фон Савиньи было известно решение этой проблемы. Он рассматривал право как универсальный культурный феномен⁵⁵ Он верил в существование общеобязательных правовых принципов, которые получают своеобычное выражение у отдельных народов только потому, что человеческие познания в праве связаны с духом конкретных народов. Учение о всеобщности права распространилось в русской юриспруденции на несколько десятилетий позднее, благодаря колоссальному влиянию Рудольфа фон Иеринга⁵⁶ Но это уже другая глава истории римского права в России.

M. AVENARIUS

SAVIGNY ED I SUOI ALLIEVI RUSSI.
TRASFERIMENTO SCIENTIFICO-
GIURIDICO NELLA PRIMA METÀ DELL'
1800

(RIASSUNTO)

Tra il 1828 e il 1835 il governo dell'impero zarista inviò giovani giuristi all'università di Berlino per creare una nuova generazione di professori per le università russe. Guidati da F. C. v. Savigny, fondatore della scuola storica del diritto, si occuparono di diritto romano e di altre materie di studio. Al loro ritorno in patria ottennero cattedre nelle università, ma poterono utilizzare la conoscenza ed i metodi acquisiti solo con restrizioni considerevoli. Il diritto positivo lasciava poco spazio per una modernizzazione della dogmatica,

ma nell'ambito dei fondamenti del diritto nascevano opere importanti. Tra gli stipendiati, che accoglievano i principi della scuola storica del diritto, P. Redkin e N. Krylov ottennero maggiore importanza come insegnanti di materie giuridiche, mentre K. Nevolin divenne noto grazie soprattutto alle sue pubblicazioni scientifiche. Questi giuristi contribuirono allo sviluppo della giurisprudenza russa dopo le riforme della giustizia degli anni '60 del 1800.

⁵⁵ Savigny F. C. v. System des heutigen Römischen Rechts. 1840. Bd. 1. S. 21: «Каждым народом руководит общечеловеческий (!) дух, который лишь проявляется в нем особым образом. Но создание права есть действие, причем действие, совершаемое сообща. Оно мыслимо только у тех (народов), у которых единство мысли и дела не только возможно, но и действительно. И поскольку общность такого рода существует только в рамках одного народа, то только здесь может возникнуть подлинное право...» См. по данной теме: Avenarius M. Rezeption (Сн. 24). S. 42, а также: Behrends O. Op. cit. (Сн. 53) S. 268 и S. 271–274; Idem. Rudolph von Jhering // Loos F. Rechtswissenschaft in Göttingen. 1987. S. 229–269 (235, Сн. 14). См.: Meyer R. Bona fides und lex mercatoria in der europäischen Rechts tradition. 1994. S. 33 f.

⁵⁶ См.: Avenarius M. Rezeption (Сн. 24). S. 43–47 (46 f. Сн. 164).

